

Илона Вольнская, Кирилл Кашеев

ПОЛНОЧЬ В МУЗЕЕ

Детективное агентство
«Белый Гусь»

12+

Детективное агентство «Белый гусь»

Кирилл Кащеев

Полночь в музее

«Автор»

2013

Кащеев К.

Полночь в музее / К. Кащеев — «Автор», 2013 — (Детективное агентство «Белый гусь»)

Кто бы мог подумать, что старинная мебель станет вдруг смертельно опасной для своих владельцев? Коллекционеры ограблены и чудом остались живы! Конечно, их спасло не чудо, а своевременное появление Вадьки и Мурки. У полиции были дела поважнее, чем искать старые пуфики и кушетки, поэтому ребята решили провести собственное расследование. И, начав его, пришли в ужас: кто-то устроил на коллекционеров настоящую охоту. Компьютерный гений Вадька, рыжая каратистка Мурка и начинающий бизнесмен Сева разработали план спецоперации...

© Кащеев К., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1. Рыжая и очень опасная	5
Глава 2. Отравленная кухня	8
Глава 3. Евлампий Харлампиевич, Греза Павловна и другие	11
Глава 4. Подвиг лейтенанта Пилипенко	16
Глава 5. Сокровища дворничихи Луши	19
Глава 6. К расследованию приступить	23
Глава 7. Медицинские командос	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Илона Волинская, Кирилл Кащеев

Полночь в музее

Глава 1. Рыжая и очень опасная

Он бежал, чувствуя, как и без того неподъемная сумка становится все тяжелее, ноги наливаются свинцом, а горячий воздух режет легкие, и понимал, что удрать не удастся. Топот за спиной все ближе. Шнурок кроссовки развязался и прыгал под ноги. «Не упасть, не упасть, не упасть...» – вертелось в голове, задавая ритм бегу. Единственной надеждой был проходной подъезд в знакомом дворе. В последний бросок Вадька вложил остатки сил. Отчаянным рывком он оторвался от преследователей, вихрем пронесся через двор и влетел в парадное. Полуослепший в темноте подъезда после яркого майского дня, Вадька бросился к светлому проему противоположной двери и с размаху врезался во что-то мягкое. Крепкий тумак отшвырнул его к стене. Перед ним стоял Ленчик собственной персоной.

– Ку-ку, умник, – пробурчал толстяк, потирая ушибленную грудь. – Считаю, отбегался!

Сзади подоспели остальные. Брыкающегося Вадьку вытащили из подъезда и прижали к стене за гаражами.

– А здорово я тебя? – довольно улыбаясь, спросил Ленчик. – Так и знал, что ты в проходняк сунешься!

Потом резко погасил улыбку и, угрожающе сузив глаза, отчего стал здорово похож на японских борцов сумо, которых недавно показывали по телевизору, спросил:

– Кинуть нас решил, гений недоделанный?

Мысли Вадьки лихорадочно метались. Влип он здорово, ничего не скажешь. Надо же было ему именно сегодня напороться на Ленчика и его компанию. Ладно, по первому разу сильно бить не станут, переживет как-нибудь, но вот если полезут в сумку...

– Что ты, Ленчик, я тебя не кидал! – пряча глаза, пробормотал Вадька. При этом он постарался как можно незаметнее сдвинуть сумку за спину.

– Он не кидал, он просто дядю не слушался, – влез Сашка, Ленчиков верный адъютант и первый зам. – Тебе что было велено, специалист хренов? Тебе было велено прийти к магазину в одиннадцать! Мы тебя час ждали, нас местная охрана срисовала, теперь туда не сунешься! Может, ты забыл? Может, у тебя как у теток в сериалах – память отшибло? Так мы сейчас так напомним, мало не покажется!

– Он не забыл, – подхватил реплику Ленчик. – Он просто сильно самостоятельный. А что бывает с сильно самостоятельными?

Не получив ответа на свой вопрос, главарь небрежно махнул жирной лапой:

– Выдайте-ка ему, парни, для ума, да покрепче. И сумочку его сюда дайте, посмотрим, что там у него.

Услышав его слова, Вадька отчаянно взвыл, рванулся и неумело пнул толстяка ногой по голени. Видимо, попал, потому что Ленчик завопил дурным голосом и запрыгал на одной ножке, что при его габаритах выглядело довольно забавно. Впрочем, Вадьке было не до смеха, потому что этим его успех и ограничился. Двое схватили его и вновь прижали к гаражам, довольно крепко приложив спиной об кирпичную стенку.

Прихрамывающий Ленчик подошел, грязно выругался, окинул Вадьку недобрый взглядом:

– Сейчас ты у меня получишь!

Он поднял здоровенный кулак, выбирая куда бы ударить побольнее. Вадьку скрутило от ненависти к Ленчику и стыда за собственную беспомощность. Он сжался в ожидании неминуемой боли...

– Эй, у нас не положено! – раздался негромкий оклик.

Неподалеку от подъезда стояла худая длинноногая девчонка лет тринадцати, одетая в камуфляжные шорты и такую же рубашку. С камуфляжем гармонировала зеленка на разбитых коленках. Длинные рыжие волосы собраны в хвост на макушке.

– Что не положено? – не опуская кулак, обалдело спросил Ленчик.

Девчонка лениво оглядела Ленчика с головы до ног, медленно вытащила изо рта жвачку, метким броском спровадила ее в мусорный бак и наконец сооблаговостила ответить:

– Всемером на одного не положено. Упитал, нет?

– Чего упитал?

– Информацию, спрашиваю, упитал? Повторяю для особо продвинутых, может, где семеро одного не ждут, а в моем дворе семеро одного не бьют. Если у тебя претензии к очкарику, выходи с ним один на один, я ваш поединок рассужу, все будет по-честному.

– Вали отсюда, рыжая, пока и тебе не вломили, – хмуро буркнул Ленчик, отворачиваясь от неразумной, влезшей куда не следует.

– А не то иди сюда, всемером двоих бить будем, – предложил Сашка. Компания заржала.

– Подойти? – задумчиво переспросила девчонка. – Ну смотри, жирдяй, твой шестерка сам пригласил, после не жалуйся.

И прежде чем Ленчик успел переварить оскорбление, она лениво направилась к ним. Приблизившись, девчонка остановилась, вопросительно глядя на ребят. Один из пацанов сделал шаг, собираясь ухватить нахалку за рыжий хвост, и тут же события начали разворачиваться с молниеносной быстротой. Зажав протянутую к ней руку в хитром захвате, девчонка лихо извернулась, и ее противник рухнул на колени, истошно голося и прижимая к груди обиженную конечность. Кометой проскочив между двумя замершими в ошеломлении Ленчиковыми подручными, она успела заехать одному из них ребром ладони по шее так крепко, что он хрюкнул и мягко опустился на асфальт. Второй попытался схватить невесть откуда взявшуюся вертлявую бестию за плечи, но удар локтем под дых заставил его захлебнуться воздухом и тихо прилечь рядом с товарищем. Еще один желающий принять участие в схватке получил в нос костяшками пальцев и заорал, собирая капающую кровь в подставленные ладони. Видя учиняемый ею разгром, те двое, что держали Вадьку, бросили пленника и поспешили на помощь своим, дав Вадьке возможность вмешаться в события. Свое появление на поле боя Вадька ознаменовал диким боевым кличем и пинком под зад одному из недавних мучителей. Получив дополнительное ускорение, бывший Вадькин страж шлепнулся на асфальт, обдирая ладони и сбивая коленки. Перепрыгнув через него (немного неудачно, парень заверещал, когда Вадькины кроссовки прошлись ему по пальцам), Вадька набежал со спины на второго противника. Яростно тузя друг друга, они покатались по земле.

Девчонка между тем вышла один на один с главарем. Смертоубийственный Ленчиков кулак молотом выстрелил вперед. Ленчик злорадно ухмыльнулся, ожидая увидеть бесчувственное тело противницы. Но на сей раз Ленчиков коронный удар успеха не имел. Девчонка отклонилась, позволяя кулаку безвредно скользнуть по подставленной руке, и теперь азартно атаковала толстяка. Перехватывающий дыхание мощный пинок коленом в живот сшиб усмешку с физиономии толстяка. Девчонка отскочила к гаражам, разочарованно бормотнув:

– Во брюхо наел, и не пробьешь!

Зато Ленчиков взор блеснул торжеством. Он увидел возможность покончить с наглой приставалой одним ударом. Ленчик кинулся на девчонку, намереваясь притиснуть ее к стене и в буквальном смысле слова подавить врага. Девчонка замерла, словно не понимая, чем ей грозит столкновение с центнером несущейся на нее живой массы. И только в последнюю секунду,

когда ничто не могло остановить разъяренного Ленчика, она метнулась в сторону. Разгон, помноженный на собственный немалый вес, швырнул Ленчика об стену. Старенькие гаражи дрогнули, но устояли, а Ленчик сполз наземь.

Сочувственно покивав, девчонка постояла над поверженным противником, потом все так же неторопливо направилась к Вадьке, уже изнемогающему в жестокой схватке. Некоторое время критически понаблюдав за их возней, она решительно ухватила Вадькиного противника за ворот, крутанула и, чуть придушив беднягу, уложила его к товарищам на асфальт. Рыжая внимательно оглядела поле битвы. Начавшие было расползаться Ленчиковы парни испуганно замерли под ее взглядом, и даже пацан с расквашенным носом перестал всхлипывать. Не обращая внимания на придушенный стон пострадавшего, она бесцеремонно ощупала его разбитый нос и облегченно вздохнула:

– Не сломала. Полная победа и никаких увечий, я молодец, – похвалила она себя.

– Еще Сашка где-то должен быть, – тяжело дыша, выдавил Вадька.

– Сбежал твой Сашка еще в начале драки, так и драпанул. А ты ничего, не трус, – снисходительно похвалила она. – Школы никакой, зато энтузиазм имеется. Я – Мурка, – представилась она, сунув Вадьке замурзанную ладошку. Вблизи стало видно, что глаза у нее зеленые, а на носу сидят несколько забавных веснушек.

– Вадька, Тихонов, – ответил Вадька, пожимая ей руку и с уважением чувствуя твердые мозоли на ребре ладони. – Ты каратистка, да?

– Рукопашница. Синий пояс, – гордо ответила девчонка. – С пяти лет занимаюсь. Сейчас в Боевой Школе при полицейском клубе.

– Здорово! – с легкой завистью протянул Вадька. – Слушай, Леди Дракон, ты мне жизнь спасла.

– Преувеличиваешь! – усмехнулась Мурка. – Конечно, тебе бы крепко навешали, но убивать никто бы не стал.

– Нет, ты не понимаешь, – Вадька замотал головой. – Они в сумку хотели полезть, а у меня там вот что... – Вадька расстегнул «молнию».

Увидев характерный рисунок надкушенного яблока на крышке, девчонка уважительно присвистнула:

– Арр!-овский ноут! Серьезная машинка!

– Ага, и дорогушая, зараза! Ленчик бы его отобрал, а второй раз мне такой не купить.

– Что ж ты с таким сокровищем по улицам валандаешься?

– Олимпиада по компьютерной графике – со своим ноутбуком надежней, больше шансов...

– вздохнул Вадька и пояснил. – Я в информационном лицее учусь.

– Круто! – Теперь настала пора Мурке глядеть на нового знакомого с уважением. В лицей информационных технологий после жесточайшего отбора попадали только лучшие математики области. – Слушай, Лобачевский местного значения, а ты знаешь, что у тебя здорово разбита морда?

Вадька провел ладонью по лицу, на пальцах осталась кровь.

– И вон на руке еще ссадина! Пошли ко мне домой, окажу тебе первую помощь.

– А можно? – засомневался Вадька. – Что твои родители про мой видок скажут?

– Во-первых, предки у меня классные, все понимают, а во-вторых, их дома нет, так что идем.

Глава 2. Отравленная кухня

Подхватив сумку, Вадька нырнул вслед за девчонкой в подъезд. Они поднялись на второй этаж, но не успела Мурка достать ключи, как дверь неожиданно распахнулась и навстречу им из квартиры шагнула... Мурка. Вадька посмотрел на свою спутницу, затем на замершее на пороге видение и обалдело потряс головой.

– Куда намылилась? – неодобрительно глядя на своего двойника, спросила Мурка. – Погоди, поможешь вот его зеленкой намазать.

В ответ вторая девчонка молча посторонилась, пропуская их в прихожую. Только выйдя на свет, Вадька понял, что, несмотря на поразительное сходство, девчонки все-таки не совсем одинаковые. Муркина копия была не в защитной рубашке, а в легкой черной блузочке с открытыми плечами. Широкая зеленая юбка доходила почти до щиколоток, а вместо кроссовок на ногах красовались босоножки на тоненькой шпильке. Рыжие волосы завивались в крупные локоны и свободно падали на спину. Зеленые глаза умело подкрашены, губы чуть тронуты розовой помадой.

– Знакомься, Вадька, это моя близняшка, – сказала Мурка.

Девчонка высоко, словно для поцелуя, подала Вадьке руку и жеманно произнесла:

– Чрезвычайно приятно с вами познакомиться, Вадим. Меня зовут Кисонька.

Смущенный ее светскими манерами Вадька неловко пожал протянутую руку.

– Это нас папа так прозвал – Кисонька-Мурысанька, – пояснила Мурка. – Только какая же я Мурысанька, я – Мурка. Ладно, пошли в ванную, приведем тебя в порядок.

Только сейчас Вадька увидел, куда его привели. Квартирка была что надо. Перед ним простирался громадный холл, размером с половину той двухкомнатной, в которой Вадька жил с мамой и сестрой. В центре холла вверх уходила дубовая винтовая лестница, а в арку противоположной стены была видна большая комната с длинным столом и камином. Пройдя вслед за девчонками через холл, он попал в ванную комнату. Вадьку усадили на табурет возле громадного белоснежного водоема, служившего в этом доме ванной; не обращая внимания на крики своего пациента, сестры принялись обрабатывать его раны перекисью и зеленкой. При этом Мурка кратко поведала Кисоньке об их приключении.

– Не слишком благородно с вашей стороны, Вадим, вовлечь девушку в безобразную уличную драку, – вынесла та свой суровый приговор.

И так несколько стыдящийся своей роли спасенной от разбойников жертвы, Вадька совсем смутился, заерзал и покраснел.

– Ты чего ломаешься, как сдобный пряник на помойке? – гневно прошипела Мурка. – Человек в первый раз в дом пришел, а ты ему гадости говоришь! Совсем себя вести не умеешь.

– Мое поведение как раз подобает моему полу, возрасту и общественному положению. А вот твои манеры и способ выражаться подошли бы не хорошо воспитанной молодой девушке, а заключенному с двадцатилетним стажем.

– Я вовсе не «хорошо воспитанная молодая девушка», я боец, – отрезала Мурка.

– Мне было бы чрезвычайно интересно и лестно увидеть то замечательное воинское подразделение, в чьих рядах ты имеешь честь состоять.

– Ну все, достала! – гаркнула Мурка, швыряя на пол комок ваты. – До печенок! До подколонок! Видеть тебя не могу! Вадька, пошли отсюда!

И, ухватив за рукав окончательно обалдевшего от впечатлений сегодняшнего дня Вадьку, она вылетела за дверь. Отдышавшись, Мурка предложила:

– Знаешь что, давай к Грезе Павловне сходим, она гостей любит, пирогом угостит, а то мне после драки всегда жутко есть хочется. – И Мурка поскакала вниз по лестнице.

– К кому?

– К Грезе Павловне, – обернулась Мурка. – Она в этом же доме живет, только вход не со двора, а с улицы. Она нас с Кисонькой английскому и французскому учит.

– Кто ж ей таким имечком удружил?

– Наверное, мама с папой, – пожалала плечами Мурка. – Ты не думай, она классная старуха, немножко старорежимная, но все равно прикольная. Ее муж реставратором был, собирал и восстанавливал старинную мебель. У нее дома знаешь как красиво! Правда, захламлено очень, она ведь и сейчас всякий мебельный антиквариат собирает, только, конечно, уже не реставрирует. У нее и старинный фарфор есть, и картины. Она и нас с Кисонькой учит во всяких древних вещах разбираться, только у Кисоньки получается лучше, – призналась Мурка.

Разговаривая, они обогнули дом, вышли на улицу и подошли к подъезду, возле которого стоял здоровенный грузовик, доверху наполненный прикрытой тряпками и полиэтиленом мебелью. Грузовик уже фырчал мотором, видно, собирался отъезжать, а пара хмурых небритых мужиков еще заталкивали что-то внутрь.

– Ваши соседи съезжают, – прокомментировал Вадька.

– Мы здесь недавно живем, я, кроме Грезы Павловны, не знаю никого, – отмахнулась Мурка. – Вообще, это здорово, что мы с тобой познакомились, а то во дворе у нас одни мальки, а Кисонька... Ну, ты сам видел, какая она бывает вредная. Ты ведь близко живешь?

– Через улицу, – ответил Вадька.

Они поднялись на третий этаж и остановились у окрашенной синей краской двустворчатой двери. Мурка позвонила. Послышалась долгая трель, но никто не спешил открывать. Мурка позвонила снова. За дверью стояла тишина.

– Может, в магазин пошла? – предположил Вадька.

Девчонка покачала головой:

– У нее весь день по минутам расписан, все делается по плану. В магазин она ходит утром, к открытию, а сейчас должна или на кушетке лежать, книжку читать, или гостей принимать, – Мурка снова надавила звонок, с тревогой прислушиваясь к его пронзительному верещанию.

Неожиданно Вадька наклонился, прижимаясь носом к двери, втянул в себя воздух.

– Кухня от входа далеко? – отрывисто бросил он.

– Сразу справа, а что?

– Газом пахнет, вот что! Мы так один раз чайник на плите оставили, а он выкипел и огонь залил, газ начал течь, хорошо, что заметили, но все равно, потом целый вечер кашляли. Как бы не отравилась твоя бабка.

Мурка тоже принялась:

– Точно, воняет. А вдруг ей плохо стало? Может, она там без сознания валяется? – занервничала она. – Нет, я сейчас вышибу дверь, и будь что будет! – Она отошла для разбега.

– погоди, – Вадька остановил приятельницу. – Сейчас все сделаем без жертв и разрушений.

Он вытащил из кармана хитро изогнутую проволочку, сунул ее в замок и завозил ею.

– Ты что, замки вскрывать умеешь? – удивилась Мурка.

– Чего, ты думаешь, ко мне Ленчикова банда привязалась? У меня и мать и сеструха вечно ключи теряют: от дома, от работы, мама один раз ключ от шкафчика с медикаментами посеяла. Вот я и наловчился, любой замок могу открыть без проблем. Ленчик хотел, чтобы я им магазин с техникой отпер – ему как раз ноутбука и новой мобилы для счастья не хватает. – Вадька криво усмехнулся. – Только я не такой дурак, чтобы с криминалом связываться. – В этот момент замок тихо клацнул, дверь со скрипом отворилась, ребята робко заглянули внутрь.

В коридоре запах газа стал отчетливее. Крикнув: «Греза Павловна!» – Мурка метнулась на кухню, Вадька последовал за ней. Оба замерли, увидав открывшееся им зрелище. Дверца духовки была широко распахнута, все четыре газовых крана откручены, и конфорки, тихо шипя, выпускали газ. Окно закрыто, а из-под круглого стола, покрытого длинной бахромча-

той скатертью, торчала половина старушки, нижняя половина: ноги в розовых тапочках с помпонами и подол длинной черной юбки. Со сдавленным криком Мурка кинулась закручивать краны, потом метнулась к окну, собираясь распахнуть его, но Вадькино громовое «Стой!» приковало ее к месту. Обернувшись, она увидела, как приятель остороженько, бочком подбирается к стоящему на столе странному сооружению. Сооружение походило на детскую игру: пирамида из консервных банок, коробок и прочей бытовой ерунды, увенчанная зажженным огарком свечи. Вот к этому-то огарку и тянулся Вадька. Плюнув на пальцы, он медленно-медленно протянул руку и бережно отщипнул горящий фитиль. После чего судорожно перевел дух и тут же сунул обожженный палец в рот.

– Теперь открывай, – промычал Вадька, посасывая палец.

Мурка яростно рванула створку, но та не поддавалась. Недолго думая, девчонка шарахнула по стеклу табуреткой. Поток живительного воздуха ворвался в отравленную кухню. Между тем Вадька, прикрыв рот и нос подолом собственной футболки, нырнул под стол.

– Вроде живая! – сообщил он оттуда. – Только у нее голова вся в крови, я не знаю, можно ли старушку трогать.

Мурка набрала в миску холодной воды и забралась к нему:

– Звони в «Скорую» и в полицию, – скомандовала она.

Вадька вылез из-за стола, потянул из кармана мобилку...

– И полотенце принеси чистое! – крикнула Мурка, – В комнате, в двухстворчатом шкафу! Через пять минут Вадька вернулся и, приподняв скатерть, заглянул к Мурке под стол.

– Дозвонился, сейчас приедут, – сказал он, протягивая полотенце. – Только знаешь, полотенце там есть... а двухстворчатого шкафа нет.

– Это как? – смывая кровь с лица Грезы Павловны, удивилась Мурка.

– Никак. – отрезал Вадька. – Ничего нет: ни старинной мебели, ни фарфора, ни картин.

Один шкаф с книгами в углу стоит, а вещи на полу валяются.

Не выдержав, Мурка выбралась из-под стола и побежала проверять потрясающую информацию. Единственная комната квартиры Грезы Павловны имела громадный эркер, украшавший их старинный дом, и поэтому была шестиугольной формы. Сейчас эта комната была абсолютно пуста, если не считать валяющиеся посередине вороха одежды и коробки с обувью. Островки пыли у стен отмечали места, где еще недавно стояла мебель, да книжный шкаф сиротливо приткнулся в углу. Яркие пятна невыцветших обоев, открывшиеся под снятыми со стен картинами, резали глаз.

– Грабеж и покушение на убийство, – констатировала Мурка.

– Еще пытались имитировать взрыв газа, – добавил Вадька. – Слушай, а ведь мы с тобой грабителей видели.

Мурка звонко хлопнула себя по лбу:

– Те мужики, что машину грузили! Это ведь они Грезину мебель увозили! Ты номер запомнил?

Вадька отрицательно покачал головой.

– Я тоже нет, – с досадой вздохнула Мурка.

– Номер наверняка фальшивый, – утешил ее приятель. – Не идиоты же они с настоящими номерами на дело идти. Зато я морду одного из них заметил. Такая... кислая.

– Точно, точно, я его физию тоже срисовала. Еще подумала, что с таким фейсом никакого укусу в хозяйстве не надо...

В это время в дверь позвонили, и комната заполнилась людьми в белых халатах и полицейской форме.

Глава 3. Евлампий Харлампиевич, Греза Павловна и другие

Старший лейтенант Пилипенко был жутко недоволен. Недоволен погодой, поведением начальства и необходимостью торчать на работе, вместо того чтобы провести приятный вечерок у телевизора. Но пуще всего он был недоволен порученным ему делом и сидящими перед ним малолетними свидетелями. Такие теперь современные дети? Парень вскрывает дверной замок согнутой проволокой, как опытный домушник, скажете, этому его научили в школе? И спрашивается, откуда у мальчишки, у которого мамаша всего-то медсестра, в сумке компьютер за тыщу баксов? Что-то тут наверняка нечисто, надо проверить, не появился ли в подростковых бандах мастер по замкам.

А девки наглые! Вон одна похищенное имущество не хуже хозяйки знает, ишь как частит, стенографист за ней не успевает: «Кофейник, молочник и чашка с блюдцем поповского фарфора, три тарелочки кузнецовского фарфора, фигурка пастушки мейсенского фарфора, чайный сервиз на две персоны, XVIII век, настоящий Веджвуд...» Знать бы еще, кто он такой, этот Веджвуд. Словно услышав мысли старлея, девчонка остановилась и пояснила: «Английский фарфор, голубой с белым». Вот спасибо, просветила! И где это видано, чтобы у слабого пола, да еще малолетнего, был синий пояс по рукопашке, когда сам старлей пять лет назад получил всего лишь белый. Помнится, он видел девчонку в Боевой Школе, она инструктор в детской группе. Нет, не ту, с веджвудом, а вторую, которая старуху нашла. А может, и ту, сам черт их не разберет.

Да и дело идиотское. Спрашивается, кому нужны старухина битая посуда и поломанные табуретки. Тоже мне, сокровище! Нет, что-то в деле не так, милые детишки наверняка каким-то боком замешаны. Эх, разогнать бы их по разным комнатам и допросить поостроже! Но нельзя, потому что в углу кабинета, вооружившись мобильником, восседает папаша девчонок, всем своим видом показывая, что одно только грубое слово его ненаглядным дочкам – и он звонит своему адвокату. Ладно, он еще доберется до этих малолеток, а сейчас придется их отпустить. И, сложив губы в приветливую улыбку Фредди Крюгера, старший лейтенант начал подписывать пропуска.

Выйдя на улицу, Вадькина мама, все время крепко державшая сына за плечи, как будто кто-то мог его у нее отнять, наконец отпустила его и, прощаясь, протянула руку отцу девчонок:

– Хорошо, что вы там были, Сергей Николаевич. Мало мальчику сегодняшнего потрясения, так милиционер... то есть, полицейский, еще, кажется, в чем-то Вадика подозревает. Только ваша угроза вызвать адвоката не дала ему мучить ребенка дурацкими вопросами.

– Ну, если этот полицейский товарищ предполагает, что Вадик на пару с моей Муркой ограбил и пытался убить Грезу Павловну, то он совсем дурак. Впрочем, пусть ищет доказательства, может, к пенсии найдет. Я так просто счастлив, что ваш сын был с моей девочкой. Если бы Вадик не загасил свечу, Мурка могла бы погибнуть. Так что давайте-ка мы вас подвезем, а то вон наш герой спит на ходу.

Надежда Петровна хотела отказаться, но, поглядев на сонного Вадьку, согласилась. Вадька забрался на заднее сиденье и, пригревшись в уголке, начал тихонько подремывать, одним ухом прислушиваясь к разговорам взрослых.

– Бедные дети, – говорила поджидавшая их в машине красивая элегантная дама, оказавшаяся мамой девчонок. – Сколько же им сегодня пришлось пережить! Но если бы не они, и Греза Павловна погибла бы, и дом наш лежал в руинах.

– Ничего бы с домом не случилось, – возразил Сергей Николаевич. – Менты сказали, взрыв готовил профессионал, выжгло бы только квартиру Грезы Павловны. Что интересно, взрыв-

ное устройство сделано из всякой бытовой химии, какая в любом доме есть. Если бы взрыв произошел, никаких следов бы не осталось. То есть следы, конечно, были бы, но никто бы не догадался, что это взрывное устройство.

Тут автомобиль остановился возле Вадькиного дома. Засыпающий пацан вылез наружу, но только для того, чтобы тут же сунуть голову обратно в салон:

– Слышь, Мурка, я вот здесь в двадцатой квартире живу. Приходи ко мне завтра в гости, – и, поймав обиженный взгляд Кисоньки, поправился: – Обе приходите, я мороженое куплю, посидим, потрепемся.

Получив согласный кивок Мурки и Кисонькино благосклонное: «Весьма любезно с вашей стороны пригласить нас, Вадим, мы обязательно придем», он наконец отправился домой спать.

На первый урок мама Вадьку не пустила. Не пустила бы и вообще в школу, если бы не четвертная контрольная по химии, которую Вадька, не слишком ладивший с этим предметом, не имел права пропустить. Зато сразу после химии Вадька, с измученным видом человека, недавно пережившего тяжелейшее потрясение, уложил сумку и, сопровождаемый сочувственными взглядами преподавателей и завистливыми – одноклассников, поспешил домой. По дороге забежав в супермаркет, он купил мороженое и большую бутылку фанты, запихал их в холодильник и стал ждать гостей. Время тянулось бесконечно, так что Вадька даже пожалел, что слинял с уроков. Наконец около трех в дверь позвонили, и Вадька помчался открывать. На пороге стояли Мурка в своем обычном камуфляжном одеянии и Кисонька в умопомрачительном новеньком сарафанчике.

– Кто пришел? – послышался детский голос из глубины квартиры, и в прихожую чуть переваливающейся походкой вышла маленькая кругленькая девчонка лет десяти. Вслед за девчонкой, точно так же переваливаясь, выбрался здоровенный белый гусь. Девчонка и гусь синхронно наклонили головы влево, разглядывая сестер одинаково круглыми темными глазенками. После детального осмотра девчонка осведомилась: – Вы что, инкубаторские? – а гусь вопросительно гоготнул.

– Катерина! – гневно вскричал Вадька. – Совершенно невоспитанная! – пожаловался он гостям.

– Это что? – ткнула пальцем в гуся пришедшая в себя Мурка.

– Гусь! – с несчастным видом ответил Вадька. – Рождественский! Запеченный с яблоками! – и, глядя на их непонимающие физиономии, пояснил: – Маме гуся для рождественского ужина подарили, она его собиралась в духовке запечь. Только никто из нас птицу колоть не умеет. Пока мама бегала, искала, кто бы его прирезал, Катька с гусем дружбу свела. Мужик из мясного к гуся с ножом, а Катька орет, будто ее режут: «Не отдам, он мой друг!» На крики соседка-врачиха прибежала и тоже давай подначивать: «Нельзя птичку резать, вы нанесете ребенку психическую травму!» Так он у нас теперь и живет, гадит где ни попадя.

– Неправда! – вступилась Катька за пернатого друга. – Он уже научился лоточком пользоваться, просто вчера дверь в ванную была закрыта, вот он и не дотерпел.

– Имя она гуся дала, убиться можно – Евлампий Харлампиевич! – продолжал Вадька. – Даже в сериале про Евлампия Романову она хоть не Харлампиевна! Я его попробовал в Лампу переименовать, – тут гусь вытянул шею и грозно зашипел, – так с ним видали, что делается. И еще щиплетя, – Вадька невольно потер ногу.

– Очень приятно познакомиться, Евлампий Харлампиевич, – поздоровалась с гусем Кисонька, так что Вадька ее даже зауважал: с первого раза запомнить такое имя – это надо уметь!

– Ты просто к нему подход не нашел. Ему нужно все как следует объяснить, – заявила Мурка и присела перед гусем на корточки. – Представь, что ты в бою и другу нужна помощь. Пока он тебя по имени-отчеству дозовется, его десять раз прибьют. Поэтому каждый солдат

должен иметь боевое прозвище. Я, например, Мурка. Конечно, Лампа это не стильно, поэтому ты у нас будешь... – она ненадолго задумалась. – Ты у нас будешь Харли, как мотоцикл.

Гусь благосклонно курлыкнул, похоже, ему нравились как почтительная церемонность Кисоньки, так и фамильярность Мурки.

– Харли! – попробовал окликнуть гуся Вадька. Евлампий Харлампиевич не отреагировал, но и не проявил поползновений щипаться.

– Потому что сейчас не бой, – пояснила Мурка, подымаясь. – В бою он обязательно отзовется на Харли.

– Что же я вас в коридоре держу, – засуетился Вадька. – Проходите ко мне в комнату.

Когда он принес вазочки с мороженым и фанту, девчонки разглядывали его технику.

– У тебя тут прямо как у нашего папы в офисе: компьютер, ноутбук, модем, принтер, сканер...

– Ага, и на все сам заработал, – с законной гордостью заявил Вадька и, увидев недоверчиво поднятые бровки Кисоньки, даже немного обиделся. – Что, не верите? У меня мама медсестра, а нас у нее двое. Она очень хороший специалист, ее часто на дом приглашают, платят прилично, но на такую технику все равно бы не хватило. Она мне первый компьютер подарила, не этот, старый б/ушный, а дальше я уже сам. Я в основном тестированием программ занимаюсь, еще сайты делаю, сейчас начал приложения для мобилок писать, но пока не очень идет... Главное, когда с клиентом разговаривать приходится, камеру на скайпе не включать. – усмехнулся он. – А то как видят, сколько мне лет, сразу забывают, как только что мою работу нахваливали: то отказываются, то пытаются заплатить поменьше. Ну ничего, справляюсь, мы последние полгода с мамой дом пополам содержим.

Мурка глядела на Вадьку даже с некоторой почтительностью, у нового приятеля с каждым днем обнаруживались все новые таланты. Дело как всегда испортила Кисонька. Отколунив ложечкой крохотный кусочек мороженого, она заявила:

– С моей точки зрения, каждый должен заниматься своим делом. Взрослые – работать, дети – учиться.

Окинув сестру недобрый взглядом, Мурка сменила тему:

– Ты чего дверь креслом подпер?

– От Катьки, – неохотно пояснил Вадька, – чтобы не лезла.

Словно в подтверждение его слов ручка двери начала тихонько поворачиваться, с той стороны слышались азартное сопение и шелест гусиных крыльев.

– Может, она мороженого хочет? – почему-то шепотом спросила Мурка.

– Я ей оставил на кухне. Она в компанию хочет.

– Крайне невежливо с вашей стороны, Вадим, заставлять девочку дожидаться под дверью, – наставительно произнесла Кисонька. Кажется, Вадька окончательно пал в ее глазах.

– Точно, – на сей раз Мурка была согласна с сестрой. – Ей там скучно, наверное.

– Вы не знаете, о чем говорите, – с отчаянием возразил Вадька. Все шло наперекосяк. Вместо приятного разговора о преступлении получалось ознакомление с семейством Тихоновых. – Она усядется и будет до бесконечности расписывать достоинства своего паршивого гуся. У гуся может быть только одно достоинство – вкус!

Его речь не произвела впечатления, две пары зеленых глаз продолжали взирать на него все так же осуждающе. Вадька уже готов был сдаться и впустить сестру (пусть на своем опыте узнают, каково это – часами слушать похвалы Евлампию Харлампиевичу!), но тут заскрежетал замок, входная дверь хлопнула и раздался дробный топот – Катька помчалась встречать маму. Вадька прислушался: так и есть, опять ноет, что брат ее не пускает. Он со вздохом отодвинул кресло.

– Вадик, ты снова заперся от сестры! Ты старший, ты должен... – послышался голос Надежды Петровны, дверь распахнулась. – О, да тут приятное общество. Кисонька, Мурочка,

как хорошо, что вы зашли! Вадик, ты угостил девочек чем-нибудь? Ага, вижу, молодец! Катюша, не мешай брату, пойдём, поможешь мне на кухне, – и, выходя, она сентиментально вздохнула: – Вот уже и к Вадикю красивые девушки в гости заходят. Еще два-три года, и у Катюши кавалеры появятся. А казалось бы, совсем недавно мечтала: когда же ребенок сделает первый шаг, когда скажет первое слово!

– Почему же теперь только и слышно: сядь и замолчи! – фыркнула Катька и, зажав гуся под мышкой, удалилась, обиженно подрагивая коротенькими толстыми косичками. Вскоре с кухни донесся раздраженный грохот посуды и хлопанье крыльями. Можно было предположить, что посудой гремит Катька, а крыльями хлопает Евлампий Харлампиевич, хотя кто их знает, эту парочку...

– Мы засиживаться не собираемся, – заявила Мурка, приканчивая мороженое, – наоборот, хотим тебя с собой забрать. Греза Павловна пришла в себя и «жаждет лицезреть своего спасителя». Собирайся, пойдём навестим ее.

– Может, вы сами справитесь? – поскучнел Вадька. – Ты ведь тоже спасительница.

– И думать не моги, – отрезала Мурка. – Во-первых, Греза – бабка прикольная, она тебе понравится, а во-вторых, Греза – бабка жутко настырная и не отвяжется, пока мы тебя не при-тащим. Так что лучше пошли сейчас, а то потом хуже будет.

Больница находилась в пяти кварталах от Вадькиного дома. Кошмарное многоэтажное желто-зеленое сооружение возвышалось посреди голого асфальтового двора. Приметой современности был торчащий посреди холла автомат, выплевывающий скрученные узлом тапочки-бахилы. Рядом на рогатой стальной вешалке висели бумажные халаты – одноразовые, но много-горазового использования. С трудом вырвав у хмурой регистраторши зловещую тайну местонахождения Грезы Павловны, ребята поднялись на седьмой этаж и зашли в палату. Глазам Вадьки снова предстала только половина старушки, на сей раз верхняя, поскольку нижняя, прикрытая тонким больничным одеялом, была завалена букетами цветов, коробками конфет и кулечками с фруктами. Бабка и впрямь оказалась прикольная. Облачена она была в голубенькую ночную рубашку с рюшами, сидящую на ней как бальное платье. Свеженькое розовое личико искусно подкрашено, на руках блистал маникюр, а бинт на разбитой голове больше напоминал чалму.

– Дорогие мои, вы пришли меня навестить! – радостно возопила старушка при виде их троицы. – Ах, как мило! Вы, должно быть, Вадик? Какой чудный юноша!

Слушая восторженную болтовню Грезы Павловны, Вадик наконец понял, кому так старательно подражает Кисонька. Старушка между тем продолжала трещать:

– О, вы с гостинцем! Напрасно, совершенно напрасно! Видите, сколько тут всего, мне в жизни не съесть. Меня навестили мои бывшие ученики, очень милые мальчики, только слишком занятые, побросали все и уехали. Аллочка, Эллочка, не будете ли вы так любезны спрятать это в тумбочку.

Вадька оглянулся, отыскивая неведомых Аллочку и Эллочку, но увидев, как засуетились девчонки, понял, что старушка обращается к ним. Ну да, должны же у них быть какие-то имена!

– Наконец-то, наконец-то в нашей девичьей компании появился мужчина! – между тем разливалась Греза Павловна. – Присутствие мужчины так облагораживает, оно не дает женщине расслабляться. Мужское общество будет весьма полезно моим девочкам, ведь им еще так много нужно постичь в науке женской привлекательности. Эллочка меня радует, хотя следует признать, что она несколько жеманна. Не сердись, пожалуйста, дитя мое, но это правда. Что же до Аллочки, то она приводит меня в полное отчаяние. Она совершенно, абсолютно неженственна и не слишком стремится учиться. И еще их кошмарные клички! Разве могут хорошо воспитанную молодую девушку звать, словно кошку!

– Нам нравится! – дружно ответили сестры в редком порыве полнейшей солидарности.

– Скажите, Греза Павловна, а что вчера произошло? – спросил Вадька, стремясь перевести разговор на другое.

– О-о-о! – застонала Греза Павловна с такой мукой в голосе, что Вадька чуть не кинулся за врачом. – Как неблагородно с вашей стороны, Вадим, возвращать меня к ужасному происшествию. Какие страшные воспоминания! Впрочем, вы мой спаситель, вы имеете право знать. Я верю, что вы тревожите меня не из пустого любопытства, – она тяжело вздохнула. – Я мирно лежала на кушетке и перечитывала один из романов Бальзака. Вы любите Бальзака? Не читали? Напрасно, напрасно... Какие образы, какой слог, накал страстей! Но я отвлеклась. Я читала, и тут в дверь позвонили. Я тотчас же побежала открывать, в надежде, что пришли гости, девочки знают, как я люблю гостей. Но это были совсем не гости! Это был здоровенный мрачный детина, который, ни слова не говоря, втолкнул меня в квартиру и тут же ударил по голове. Я потеряла сознание и больше, увы, ничего не помню. Очнулась я в больнице, и мне сказали, что вся моя коллекция похищена! Лучше бы я умерла! – По щекам Грезы Павловны покатались крупные слезы. – Ох, милые мои дети, вы еще молоды и не знаете, что значит иметь в жизни единственную радость! Мои старые вещи хранят столько воспоминаний! Как мы с мужем радовались, когда удавалось найти и восстановить что-нибудь ценное! Подлецы украли не только мой антиквариат, они прошлое мое украли!

Вадька аж засопел от жалости. Прикольная бабка Греза Павловна оказалась несчастным страдающим человеком. Надо быть последним поганцем, чтобы грабануть такую одинокую тетку.

– Может, чем помочь надо? – в порыве искреннего сочувствия спросил Вадька.

Греза Павловна всхлипнула, вытерла глаза кружевным платочком и, метнув на Вадьку лучистый взгляд, выдохнула:

– Ну, если вам не затруднительно... Было бы крайне любезно с вашей стороны сходить вместе с девочками в мою квартиру, взять там в книжном шкафу в коробке из-под печенья пятьдесят долларов и отнести Луше, девочки знают куда. Я на прошлой неделе сторговала у нее резное кресло, состояние очень плохое, страна неизвестна, предположительно Польша, зато я вполне уверена, что это XVII век. Если ничего не осталось, пусть хоть кресло будет.

– Разве бандиты не взяли деньги? – удивился Вадька.

– Представьте себе, нет. Господин полицейский милиционер, который ведет мое дело, такой толстый и, по-моему, не очень умный, был как будто даже возмущен этим фактом.

– А мы сможем войти в квартиру, ведь полиция, наверное, ее опечатала?

– Это моя квартира, – неожиданно сварливо заявила бабка. – Я, а не милиция решаю, кому туда можно входить, а кому нет. Впрочем, не будем создавать проблем, я сейчас позвоню и все уточню. – Греза Павловна вытащила из тумбочки мобильный телефон.

– Все в порядке, – сообщила она после долгих попыток дозвониться и совсем недолгих переговоров. – Мой полицейский милиционер неизвестно где, зато я побеседовала с его начальником, и он меня заверил, что вы можете спокойно снять пломбу с двери, его подчиненным больше у меня искать нечего. Так что ступайте, мои дорогие, а я немного сосну, – и она утомленно прикрыла глаза. Ребята потихоньку вышли.

Глава 4. Подвиг лейтенанта Пилипенко

Вадька во второй раз стоял на пороге квартиры Грезы Павловны. Он аккуратно оторвал бумажную полосу, тянувшуюся через синюю дверь, Мурка отперла замок, и они вошли. Сейчас, в тишине и спокойствии, комната производила еще более тягостное впечатление.

– Надо будет хоть кресло поскорее привезти, а то совсем голо, – сказала Мурка.

Кисонька подошла к шкафу и вытащила стоявшую поверх книг коробку. Через ее плечо Вадька заглянул внутрь. В коробке были деньги, несколько сотен долларов.

– Странные воры, – задумчиво процедил он, – тяжеленную мебель и картины вывезли, а доллары оставили.

– Не заметили, наверное, – пожала плечами Мурка.

– Ты что, коробка ведь на виду! При нормальном обыске ее моментально заметят!

Но девчонки не успели высказать своих соображений на сей счет. Отчетливый шорох, доносившийся со стороны ванной, заставил их замереть на месте. Из ванной ясно слышались возня, приглушенное бормотание. Ребята с ужасом переглянулись. Бандиты возвратились! Кто еще, кроме них, мог находиться в опечатанной квартире! Вадька прижал палец к губам и жестами показал на выход. Вся троица на цыпочках выбралась в коридор. Но уйти они не успели. Зашумела вода, и дверь ванной стала медленно-медленно приоткрываться. Вадька метнулся обратно в комнату, лихорадочно огляделся в поисках укрытия и повелительно ткнул пальцем в бархатные портьеры на окнах. Девчонки кинулись за одну, сам Вадька укрылся за другой, и тут же паркет заскрипел под тяжелыми мужским шагами.

– Кто здесь? – спросил грубый голос. – Выходи, а то стрелять буду!

Вадька сжался, мечтая стать очень маленьким, а еще лучше – невидимым. Шаги протопали ближе, Вадька услышал свистящее дыхание бандита. Тот явно прислушивался. Мальчишка замер, стараясь не шевелиться. Несколько бесконечных секунд пролетели в молчании, как вдруг вороненый ствол пистолета отодвинул край портьеры. Вадька судорожно зажмурился, не желая видеть собственный конец, но любопытное веко словно само поползло вверх, и Вадька глянул в лицо убийце. Глянул и дико взвизгнул. Перед ним стоял старший лейтенант Пилипенко собственной персоной.

И тут же лейтенант нырнул головой вперед и рухнул на пол, роня табельное оружие. За его спиной обнаружилась застывшая в оборонительной стойке Мурка. Узнав лейтенанта, она смутилась, опустила руки:

– Ох, извините, пожалуйста, я не хотела... Простите, пожалуйста, я вас не узнала, я думала, на Вадьку бандит напал. Ты чего орал-то? – напустилась она на парня.

– От облегчения, уж больно я струхнул, – признался Вадька.

– Не узнали, значит, – пропыхтел лейтенант, грузно ворочаясь на полу. Оттолкнув протянутые ему руки, он поднялся, подобрал пистолет. – Не узнали! Зато я узнал все, что хотел! А ну, руки вверх!

– Дядя, вы чего, обалдели? – ошарашенно спросил Вадька.

– Не разговаривать! Думали, если малолетки, если папаша крутой, так никто ни о чем не догадается. Не на таковского напали! Лейтенант Пилипенко все видит! Я знал, что вы замешаны! Сперва мебель у старушки вывезли, теперь за деньгами вернулись! Я знал! Я ждал, я в засаде сидел, и вот дождался!

– Мне почему-то показалось, что вы сидели не в засаде, а в туалете, но если это теперь так называется... – протянула Кисонька.

– Молчать! На нарах похихикаете! Руки вверх и на выход! – И, подталкивая ребят пистолетом в спины, торжествующий лейтенант повел их в отделение.

Нынешний вечер был почти точной копией предыдущего. Ребята находились в том же, что и вчера, кабинете, и так же в углу приткнулся поигрывающий мобильником папа девчонок, а Вадькина мама так крепко обнимала его за плечи, что он даже стеснялся. Был здесь и старлей Пилипенко, но он не сидел за своим столом, а стоял навтыжку посреди потертого красного ковра, и уши его пылали огнем. За столом же возвышался симпатичный молодой майор с очень усталым лицом. Майор говорил, и речь его была исполнена выразительности настолько, что деликатные Кисонька и Надежда Петровна порой испуганно ахали, а Вадька с Муркой восторженно слушали, раскрыв рты. Они и не предполагали, что такие словосочетания возможны! Наконец выдохнувшись, майор безнадежно махнул рукой:

– Идите, Пилипенко, и не попадайтесь мне на глаза.

Старлей молча развернулся и вышел строевым шагом. Майор крепко потер ладонями лицо и начал шарить по карманам. Сергей Николаевич подsunул ему свои сигареты. Мужчины закурили.

– Где ты его взял... такого? – спросил папа девчонок.

– А, не спрашивай, – досадливо поморщился майор. – Его в течение нескольких лет пытались из ГАИ выпереть за непроходимую тупость, но он каждый раз писал письма начальству, что его притесняют за честность и принципиальность. Тогда придумали хитрый ход: отправили его учиться на юридический факультет. Пять лет вся полиция отдыхала от Пилипенко, но в этом году он неким чудом закончил университет и его, уж не знаю за какие мои прегрешения, направили в мой отдел.

– Как ему диплом-то дали?

– Наверное, их он тоже достал, не знали, как избавиться. Но теперь-то он не отвертится. Провести детишек через весь город под дулом пистолета, такое на честность и принципиальность не спишешь! Лететь ему из полиции ласточкой! Так что твоим ребятам с меня причитается.

– Брось! – Сергей Николаевич отмахнулся. Вадька подумал, что папе девчонок не следовало бы решать за всех. Лично он, Вадька, знал десяток интереснейших способов, которыми майор мог выразить ему свою благодарность. – Ты лучше скажи, зачем ты на дело Грезы Павловны этого олуха поставил?

– А кто еще станет подобной ерундой заниматься?

– Как вы можете так говорить! – возмущенно вмешалась Кисонька. – У Грезы Павловны бесценная коллекция, национальное достояние, ее совершенно необходимо найти!

– Точно, Владимиров, – поддержал дочь Сергей Николаевич. – У старухи только и свету в окошке, что ее коллекция, а ты вроде как и не собираешься ее искать? Не стыдно?

– Ну-ка идите сюда, – скомандовал майор, мгновенно становясь собранным и жестким. Он распахнул сейф и вытащил оттуда пачку фотографий. – Смотрите! Вот девочка всего на два года старше твоих дочек. Возвращалась вечером с английских курсов. Избита и изнасилована, и еще счастлива, что жива осталась. Вот мужик, прихватили вечером в подворотне и отняли получку, а у него жена и маленький ребенок. Теперь семье хоть голодай, хоть по миру иди. Ограбили инкассатора, взяли трехмесячную зарплату завода. В городе появилась партия наркотиков неизвестного происхождения. Ты прав, Серега, причем дважды прав! Я не собираюсь искать вашу коллекцию, и мне действительно стыдно. Стыдно, что я не могу обеспечить людям элементарную безопасность, не дать бандитам отнять последнее. У меня не хватает средств, людей, техники, а ты хочешь, чтобы я разыскивал драные пуфики и кушетку, начиненную благородными клопами! Да кому оно нужно, это старье! Я заведу дело и засуну его на самую дальнюю полку, а толковые ребята из моего отдела будут ловить настоящих преступников. Нет, у тебя, конечно, большие связи, ты можешь меня заставить...

– Господь с тобой, Денис, – почти испуганно ответил Сергей Николаевич. – Мы с тобой с детства знакомы, когда я на тебя давил?

– Купи бабке кровать и пару стульев, чай, не обеднеешь, – уже успокаиваясь, сказал майор. – И учеников ей найди побольше, я скажу налоговикам, чтобы не цеплялись. Но это все, что я могу для нее сделать.

Выйдя на улицу, ребята дожидались, пока родители закончат обмениваться мнениями и прощаться.

– Значит, бедная Греза Павловна так и не получит обратно свою коллекцию, – печально сказала Кисонька.

– Так и будет, если, конечно, мы не вмешаемся в дело, – в отличие от девчонок Вадька был бодр и весел.

– Как вмешаемся?

– Проведем собственное расследование! А что такого? Мы были на месте преступления, даже преступников видели. От жертвы у нас полная информация и с полицией контакт. Теперь немного беготни, дедуктивного метода и... – Вадька щелкнул пальцами, – дело в шляпе! Я и план действий уже набросал, пока вы там ругань майора слушали.

Мурка с сомнением покачала головой, но видно, идея ей страшно понравилась. Зато Кисонька была в ярости.

– Вы с ума сошли, Вадим! – прошипела она. – Не воображайте себя Шерлоком Холмсом! Оставьте каждого делать свое дело! Изучайте компьютеры, а грабителей пусть ловит полиция!

– Но полиция не собирается ловить этих грабителей, – резонно возразила Мурка. – Что же, по-твоему, пусть теперь любой подонок безнаказанно обчищает наших знакомых?

– Ты что, фотографий не видела? Хочешь, чтобы и с тобой такое же случилось? – От волнения Кисонька даже стала говорить нормально. – Учти, если только попробуешь в это дело впутаться, я... я... Я папе расскажу, вот!

– Настучишь? – Изумлению Мурки не было предела, видимо, в их семье не ябедничали.

– Не остановишься – настучу! – твердо заявила Кисонька.

– Видишь, Вадька, ничего у нас не выйдет, – вздохнула Мурка, – Кисонька решила оставить бедную Грегу Павловну на произвол судьбы и лейтенанта Пилипенко.

– Не заговаривай мне зубы, – фыркнула Кисонька и гордо направилась к родителям.

– Не бойсь, прорвемся, – шепнула Мурка. – Мне идея нравится, я к тебе завтра после тренировки забегу.

Глава 5. Сокровища дворничихи Луши

Но назавтра Мурка к Вадьке не забежала, а скорее влетела и с порога выпалила:

– Я Кислого видела!

Вадька хотел уже поинтересоваться, что может быть таким кислым, что это даже видно, но Мурка пояснила сама:

– Помнишь, бандит с уксусной мордой, что Грезины вещи грузил!

Новость была потрясающей. Потребовав подробностей, он затащил Мурку в комнату.

– Да нет никаких подробностей, – досадливо отмахнулась девчонка. – Я после тренировки решила к Луше зайти, расплатиться за кресло, смотрю, а он возле ее сарая ошивается. Недолго покрутился и нырнул в проход между сараями. Я прямо за ним лезть не могла, увидел бы, а пока через улицу оббегала, он пропал.

– Так, погоди, кто такая Луша?

– Дворничиха, старая, немножко сумасшедшая, она всякие ненужные вещи собирает: поломанные коньки, зонтики, стулья. Вообще-то полный хлам, но за годы у нее скопилось и довольно много ценной мебели, к ней даже из исторического музея приходили, уговаривали отдать. Но она никому ничего не продает, держится за свой мусор мертвой хваткой, для одной Грезы делает исключение, ее Луша уважает.

– Одна старуха имеет коллекцию антикварной мебели, ее бьют по голове, коллекцию тырят, и в деле участвует бандит с кислой рожей. – Вадька вытащил из вазочки печенье, задумчиво хрупнул и подсунул вазочку Мурке. —Теперь у нас снова старуха, снова старинная мебель, и Кислый опять появляется на горизонте. Тебе это ни о чем не говорит?

– Мне это говорит о том, что Лушу спасать надо, – заявила Мурка и решительно отодвинула вазочку с печеньем. – Кончай хомячить, побежали!

Тяжко вздохнув при мысли о несостоявшемся обеде, Вадька поплелся за Муркой. Протрясая три остановки в переполненном троллейбусе, они выбрались на тихую маленькую улочку, прошли через двор, нырнули в дыру в заборе-сетке и вышли к длинному ряду сараев.

Старые, почти развалившиеся и новехонькие, фанерные, деревянные и кирпичные, крытые дранкой, листовым железом, а иные и вовсе без крыши, сараюхи имели одну общую для всех черту – плотно навешанные двери, на каждой из которых красовался отлично смазанный замок.

– Хозяева разные, но управляет тут всем Луша. Она здесь свои сокровища прячет, видишь, какие запоры, – начала рассказывать Мурка, но тут ее прервали. Из глубины самого большого и солидного сарая донесся истошный визг. Вадька понял, что они опоздали, неизвестные бандиты уже убивают дворничиху Лушу. Вадька бросился к сараю, на помощь жертве, потом сообразил, что у него вряд ли хватит сил остановить вооруженных негодяев, заметался, дергая из кармана штанов застрявшую мобилку – в полицию, нужно звонить в полицию...

Дверь сарая распахнулась, и во двор вылетел жутко обозленный мужчина, вслед которому пронеслось и шлепнулось на асфальт что-то тяжелое, оказавшееся толстым кожаным портфелем. Сумасшедший визг продолжал выплескиваться из темной глубины на свет дня, но теперь он приобрел некоторую осмысленность, стали различимы отдельные слова. Вадька облегченно перевел дух (те, кого убивают, такими выражениями не пользуются) и переключился на выскокшего из сарая.

Это был высокий подтянутый мужчина лет сорока, одетый в строгий элегантный серый костюм. Видно было, что в обычных условиях он человек серьезный и спокойный, но сейчас его просто трясло от бешенства. Резким движением он сдернул с носа солидные очки в роговой оправе и, яростно потрясая ими, крикнул в сторону открытой двери:

– Старая хулиганка! Ненормальная!

На выпад врага сарай ответил новой волной визга.

– Вы, наверное, из музея, да? – сочувственно спросила Мурка, подбирая брошенный портфель. – Вы на Лушу не обижайтесь, она и вправду немножко не в своем уме.

– Немножко?! Она просто сумасшедшая! – Все еще злобно сопя, мужчина пытался взять себя в руки. Он тщательно пригладил свою темную с проседью шевелюру, поправил галстук и спросил:

– Почему вы думаете, что я из музея?

– Луша всегда так орет, когда ей предлагают что-нибудь в музей отдать. Ваши коллеги к ней уже приходили, она в них стулом кинула. Вам еще повезло, – охотно пояснила Мурка, вытирая пыль с портфеля.

– Дети, не вздумайте туда ходить, – педантично выискивая на своем костюме малейшие пятнышки грязи и смахивая их белоснежным платком с вышитой монограммой, предупредил мужчина.

– Нам можно, мы от Грезы Павловны, а Грezu Павловну Луша уважает.

– От Грезы Павловны? – Мужчина удивился. – Известной коллекционерки, вдовы реставратора нашего музея? Но позвольте, мы слышали, что она погибла, какая-то трагическая случайность, кажется, взрыв газа? Все сотрудники были ужасно расстроены.

– Скажите им, что могут не расстраиваться. Во-первых, Греза Павловна вовсе не погибла, а всего лишь легко ранена и скоро выйдет из больницы. Во-вторых, это совсем не трагическая случайность, а покушение на...

Сказать слово «убийство» Мурка не успела. Она подскочила на месте и тут же замерла в защитной стойке, соображая, почему ее ногу вдруг пронзило резкой болью. Заметив недоумевающий взгляд собеседника, она попыталась как-то пояснить свой прыжок.

– У нас скоро соревнования, сэнсэй велел мне тренироваться где только можно, – Мурка наспех проделала несколько ката.

Но мужчину ее слова явно не успокоили, более того, он, похоже, обдумывал, не заразно ли Лушино безумие.

– Ты что-то начала говорить, девочка, о покушении?

– Она хотела сказать, что это покушение газового хозяйства на права потребителей, – влез Вадька. – Моя мама говорит, что газовщики нас скоро всех перетравят. А вы как считаете?

Ответа Вадька не получил, мужчина его больше не слушал, напряженно думая о своем. Напоследок пройдясь платком по и без того сияющим изящным туфлям, он придирчиво оглядел сам платок, брезгливо скривил губы и точно рассчитанным движением отправил его в мусорный бак.

– Вам все же не следует входить в сарай, – принимая из рук Мурки портфель, рассеянно обронил он. – Старуха абсолютно сумасшедшая, ее место в психиатрической лечебнице.

Видимо, его последние слова достигли ушей затихшей Луши, потому что из распахнутых дверей вдруг вылетел стакан, сверкнул на солнце и разлетелся на тысячи осколков у самых ног оскорбителя. Мужчина испуганно отпрянул, молча повернулся к ребятам спиной и зашагал по проулку. Заметив из своего укрытия отступающего врага, невидимая Луша разразилась торжествующими воплями. Не оборачиваясь, мужчина втянул голову в плечи и ускорил шаг. Он уже почти бежал.

– Ты чего пинаешься? – накинулась Мурка на Вадьку, как только они остались одни.

– А зачем ты треплешься? – не остался в долгу мальчишка. – Обязательно все выкладывать первому встречному?

– Какой же он первый встречный, ты же слышал, он из музея, с Грeзиным мужем вместе работал.

– А почему он говорит про взрыв, если взрыва не было? Вряд ли менты всем и каждому рассказывали про взрывное устройство у Грезы в квартире.

Мурка пожала плечами:

– Ты же знаешь, наш город – большая деревня, все про всех все знают, хотя и не всегда точно. Человек поймал слушок и теперь пересказывает.

– Возможно, только он был очень вежливый, пока ты ему все про Грезу не рассказала, а потом сразу убежал, даже за помощь не поблагодарил. Подозрительно!

– Ничего подозрительного! Его просто Луша напугала, кому приятно, когда в тебя стаканы швыряют, – завершила дискуссию Мурка и бесстрашно шагнула во мрак сарая. Вадька последовал за ней, хотя его и глодали сомнения в разумности их действий. Встреча с сумасшедшей теткой его совсем не радовала. Кто знает, что ей стрельнет в голову?

Мурка уверенно двигалась по узенькой тропке, проложенной в сарае среди хлама. Никогда еще Вадька не видел такого количества старых вещей. Не обладая Муркиной ловкостью, он то и дело на что-нибудь наткнулся. Его путь был отмечен бряканьем, стуком и ругательствами. Казалось, вещи сами набрасывались на него. Он отбил палец о стоящую возле входа покореженную бормашину, плечо болело от столкновения с дряхлым буфетом, а поломанные оленьи рога ткнули его под ребро. Вадьке удалось увернуться от стойки с зонтиками, но лишь для того, чтобы тут же врезаться в огромную корзину, полную битой посуды. Черепки оглушительно грохнули.

– Кого там еще несет? – неласково поинтересовался пронзительный женский голос.

– Тетя Луша, это я, Мурка, меня Греза Павловна послала.

Вадька рванулся на звук голосов и, отмахнувшись от свисавшей с потолка авоськи с бутылками, встал рядом с Муркой. Среди гор мусора обнаружился крохотный пяточок пустого пространства, на котором возвышался двухтумбовый письменный стол, заставленный тарелками с остатками еды. Возле стола на грязном деревянном сундуке восседала толстенная, весьма добродушная на вид баба. Вадька недоверчиво поглядел на нее. Такой больше подошел бы густой бас, а не слышанный им визг.

– Чего Грезе Павловне надо? – уже более доброжелательно взвизгнула баба.

– Велела передать деньги за кресло, – отрапортовала Мурка.

Баба расплылась в блаженной улыбке.

– Вот хороший человек, порядочный, не то что некоторые. Всегда денежки в срок, без задержки. Вон оно стоит, кресло-то! – Луша ткнула пальцем в высокое резное кресло, втиснутое между невысоким сейфом, точно таким, как у Вадьки в школе, и детской кроваткой без спинки. – Только ей и продаю, она одна честная, остальные так и норовят старуху объегорить. Видали, приходил тут бандюга, то ему отдай, другое, третье, для музея, видите ли, чтобы культура не увяла. Ишь ты, любитель дармовщинки выискался! У него культура вянет, а Луша, выходит, поливать должна! Луша хоть и дворник, а за полив культуры ей не плотют! – Не переставая говорить, Луша пересчитала деньги и пошаркала в глубь сарая, до ребят доносилось лишь ее бормотание. – Не выйдет у них ничего! Старая Луша не такая дура, старая Луша еще работать может. Вот как совсем силы уйдут, так все, что накопила, разом и продам, до последней тряпки. Купят небось кому надо. И нечего на мой пен-си-он-ный фонд рот разевать, – она вынырнула из-за груды досок. – А вы чего стали, как неживые? Отдали, что велено, и ступайте. Передашь папаше, пуцай завтра за покупкой приезжает. С пацанами больше не таскайся, а то все отцу расскажу, он тебе ремнем стыда вколотит, – старуха окинула ребят неодобрительным взглядом.

Возмущенный Вадька хотел ей как следует ответить, но Мурка удержала его. Не обращая ни малейшего внимания на бабкины глупости, она спросила:

– Вы знаете, что Грезу Павловну ограбили и убить пытались? Она сейчас в больнице.

Изумленно открыв рот, дворничиха плюхнулась на сундук.

– Врешь! – выдохнула она, но Мурка только покачала головой. – Чего, деньги украли, много? – В Лушином вопросе прозвучало жадное любопытство.

– Деньги оставили, а мебель старинную, картины, все вывезли. Мы вот с ним бандитов у подъезда видели, когда они свою машину грузили, только мы тогда не знали, что они грабители. – Мурка помолчала, собираясь с духом. – И вот еще что, тетя Луша. Я одного из них сегодня возле ваших сараев заметила. Боюсь, они к вам подбираются.

Луша сдавленно пискнула. Глядя на ребят круглыми от ужаса глазами, она встала, начала судорожно переставлять посуду, снова села, решительно грохнула кулаком по столу так, что зазвенели стаканы, и неожиданно захныкала:

– Я знала, всегда знала! Все меня обидеть хотят, обобрать, прирезать. Что же теперь делать-то, а? – слезливо ныла она.

– Я думаю, вам надо избавиться от всего ценного, тогда вас оставят в покое, – с сочувствием глядя на нее, предложил Вадька. – Позовите специалиста из музея, пусть он отберет стоящие вещи, и передайте их на хранение, хотя бы в тот же музей. А когда бандитов поймают, заберете.

Старуха слушала его, опустив глаза и водя пальцем по столу. В сарае воцарилась тишина, казалось, Луша тщательно обдумывает Вадькин совет. И вдруг по ушам полоснул уже знакомый истошный визг.

– Гады, музейщики проклятые! – орала баба. – Уговорами не взяли, на обман пошли! Детишек послали, думали, поверю, своими руками сокровища отдам, а потом буду под мостом помирать! Вот вам мои вещи, выкусите! – Она ткнула в ошеломленных ребят здоровенным кукишем. Потом, не находя иного выхода бушевавшей в ней ярости, сгребла со стола лежавшие там ложки и запустила ими в предполагаемых агентов музея. Одну Мурке удалось отбить, зато вторая засветила Вадьке точно в лоб. Не разбирая дороги, он бросился к выходу. Мурка мчалась за ним.

Глава 6. К расследованию приступить

Остановились они уже на улице.

– Больно! – пробормотал Вадька, потирая ушибы.

– Так тебе и надо, – бросила Мурка. – Совсем рехнулся, Луше о музее говорить? Видел же, она музейных работников на дух не переносит, считает, они ее обчистить хотят.

– Я же не насовсем отдать предлагал, а только на хранение, – оправдывался Вадька. – Не, тот мужик прав, она психическая.

– А я что говорила, что она лауреат Нобелевской премии? – огрызнулась девчонка. – Ты лучше скажи, что теперь делать будем?

– Слушай, ты уверена, что у нее есть хоть что-то ценное? На первый взгляд хлам хламом.

– Еще как есть, – подтвердила Мурка. – Но она и сама толком не знает, что мусор, а что стоящее. Поэтому хочет все скопом продать, специалистам она не верит, думает, они про самые ценные вещи скажут, что фигня, она выбросит, музей бесплатно подберет, а ей в старости с голоду помирать. Видел сундук, на котором она сидела? Это Польша, конец XVII века, даже нереставрированный полторы тыщи баксов потянет, а любители и больше дадут.

Вадька почтительно присвистнул.

– Тогда к ментам пойдем, – подумав, решил он. – К майору, с которым твой отец дружит. Даже если украденная мебель его не интересует, убийства он позволить не может. Грезу ведь только случайно не угрохали, глядишь, с этой бабкой у них удачнее пойдет.

После долгих переговоров с дежурным Вадьке и Мурке наконец удалось прорваться в отдел майора Владимирова. И первый, кого они там увидели, был старший лейтенант Пилипенко, торжественно восседавший за столом в обществе стакана чая и пухленьких круассанов с шоколадным кремом.

– Вас разве не уволили? – выпалил Вадька и тут же смущенно умолк.

– Никак нет-с, не уволили, – круглая физиономия лейтенанта излучала довольство собой и окружающим миром. – Там, наверху, – он ткнул пальцем в направлении запыленной люстры, – знают Пилипенко и не позволят малолетним правонарушителям и идущим у них на поводу недалновидным сотрудникам полиции отстранить его от защиты общественного порядка.

– Хватит, старший лейтенант, – резко оборвал его вошедший в кабинет майор Владимиров. – Не забывайте, что у вас испытательный срок, а вы уже на два дня задержали план оперативно-розыскных мероприятий по делу о краже белья с веревки у гражданки Винничук. Так что кончайте чаевничать и ступайте работать. Ребята, идемте ко мне.

Владимиров увел их в соседний кабинет.

– Дядя Денис, а почему его не выгнали? – спросила Мурка.

– Опять письмо написал, – устало вздохнул майор. – Дали испытательный срок. Может, в конце концов и удастся его выжить, хотя я уже сомневаюсь. Ну ладно, вы же не о карьере Пилипенко говорить пришли, выкладывайте, что там у вас?

Торопясь и перебивая друг друга, ребята выложили майору свои наблюдения и соображения.

– Кислый, говорите? Словно уксусу наглотался? – переспросил майор. Усталости как не бывало, глаза горели азартом охотника, завидевшего дичь. – Почему вы про него сразу не рассказали?

– Мы рассказывали! – дружно ответили Мурка и Вадька.

– Странно, в протоколе про кислую физиономию преступника ничего нет. Фотографии вам на опознание предъявляли?

Ребята дружно замотали головами.

– Ну, Пилипенко... – зловеще процедил майор. – Так говорите, Кислый? – снова повторил он, открыл большущий альбом и, вытащив из него десяток фотографий, веером разложил их перед своими собеседниками. – Посмотрите, только предельно внимательно, здесь его нет?

Два пальца, Вадькин и Муркин, безошибочно ткнулись в фото, с которого на мир угрюмо взирал стриженный под ноль хмурый мужик.

– Он, точно он! – воскликнул Вадька.

– Уверены? Что ж, весьма любопытно, – майор убрал остальные снимки. – Это, друзья мои, Кононов Виктор Григорьевич, по кличке... – майор сделал паузу.

– Неужели Кислый? – ошеломленно пробормотал Вадька.

– Совершенно верно. Три судимости за грабежи. Сбежал из мест заключения год назад, сейчас находится в розыске. Между прочим, гражданин Кононов известен как ба-а-альшой мастер по взрывам, а у вашей старушенции в доме было именно взрывное устройство. Спасибо вам, ребята, я, кажется, недооценил это дело, а оно выходит очень интересным, – майор поднялся. – Вы не волнуйтесь, я сейчас же поставлю пост возле сараев второй бабки.

– Вот и закончилось наше расследование, не успев начаться, – грустно вздохнула Мурка, когда они очутились на улице. – Теперь менты сами справятся.

– Не уверен, – ответил Вадька. – Вот и Кислому они бы без нас не обнаружили, и о готовящемся убийстве не узнали. И вообще, нам могут сказать то, о чем ментам и не пискнут. Я считаю, надо продолжать расследование, а если что выясним, немедленно сообщим майору.

Мурка с сомнением покачала головой, но Вадькины слова ей явно пришлись по душе.

– У тебя вроде был какой-то план? – спросила она.

Вадька поглядел на часы:

– Пошли, сейчас самое время пообщаться с одним человеком.

Они вскочили в троллейбус.

– Эй, ты куда меня привел? – возмутилась Мурка, увидев цель их путешествия. – Это же самая бандитская гостиница города, тут все криминалы тусуются.

– Да знаю я, – отмахнулся Вадька. – Его здесь только и застанешь, – и не слушая Муркиных возражений, он нырнул внутрь. Швейцар не обратил на ребят ни малейшего внимания.

Перед ними открылся роскошный холл, сразу воскрешавший в памяти все виденные вестерны. Стены до половины обшиты деревом, а выше разрисованы скачущими лошадьми, ковбоями с лассо в руках и женщинами в старинных открытых платьях. Доходящие до середины груди болтающиеся двери вели в ресторан, казино и бар. Несмотря на относительно ранний час, всюду горел свет.

Из казино вывалились несколько броско и дорого одетых, но изрядно помятых личностей. Похоже, что они провели здесь не только весь день, но и прошлую ночь.

Мурка брезгливо поморщилась:

– Ищи своего человека и давай сматываться, а то если родители узнают, что я была в таком местечке...

– И искать нечего, вот он, – прервал ее Вадька, направляясь к открытому ларьку, в котором газеты, журналы мод, «Плейбой», календари с эффектными девицами и не менее эффектными собачками, поздравительные открытки соседствовали со всякой всячиной вроде расчесок, шариковых ручек и станков для бритья. За прилавком господствовала крышка ноута, полностью скрывающая сидящего за ним человека. Вадька деликатно постучал по крышке согнутым пальцем:

– Здорово, Торгаш!

Нут захлопнулся, открыв плутоватую белобрысую физиономию тринадцатилетнего пацана.

– Я не торгаш, я бизнесмен, – степенно произнес пацан. – Ну добро бы какой бездельный Ленчик стебался, а ведь ты, умник, сам прирабатываешь где только можешь.

– Брось, не обижайся, тебя ведь все так зовут, но если не хочешь, я не буду, – примирительно сказал Вадька.

– Если все зовут, так что, мне обязательно нравиться должно? У меня, между прочим, имя есть, – успокаиваясь, буркнул мальчишка. – Кстати, насчет Ленчика. Ходят слухи, что ты на пару с какой-то девчонкой сделал из него и его банды отбивные: одну большую и шесть маленьких. Правда или фигня?

– Правда, но не я на пару с девчонкой, а скорее девчонка на пару со мной. Знакомьтесь, это Сева, а это Мурка, у нее синий пояс.

Сева серьезно пожал Мурке руку:

– Уважаю! Положить семерых – круто!

– Не семерых, а всего шестерых, один сразу удрал, и не я одна, Вадька активно участвовал, – заскромничала Мурка.

– Все равно круто! Но учтите, Ленчик недавно грозился Вадьку одного поймать и разобрататься по понятиям.

Вадька сморщился, будто лимон надкусил:

– Ох, как не вовремя, у нас тут такое дело заварилось!

– Битая морда всегда не вовремя, – философски заметил Сева. – Ладно, выкладывайте, что там у вас за дело.

Выслушав краткое изложение истории про антиквариат и старушек, Сева поинтересовался:

– От меня чего требуется?

– Севка, ты тут крутишься, у тебя с авторитетами какой-никакой, а контакт. Будь человеком, выясни, кому и для чего вдруг так сильно мебельные древности понадобились, что они бабок мочат направо и налево.

Сева презрительно оттопырил губу:

– С чего, собственно, я должен лезть?

– Севка, да ты что! У бедной старухи всей радости и было, что старинная мебель, а менты сами сказали, что искать не будут, дескать, есть дела поважнее. Вернется Греза из больницы: одна, в совершенно пустую квартиру. Неужели тебе ее совсем не жалко?

– Жалко, не жалко... Она мне что, родная бабушка или двоюродная тетя, что я должен ее жалеть?

– Эх ты, – возмутился Вадька. – Как нужно помочь, тут же в кусты? Я думал, ты человек, а ты, ты... автомат для продажи газет, вот ты кто!

– На слабо берешь, как малька пятилетнего, – огрызнулся Сева, но было видно, что Вадькины слова его задели. Он помолчал, подумал, наконец тяжело вздохнул. – Хорошо, считай, уговорил. Поддержим национальную культуру путем спасения местных старушенций и их древностей. Правда, подождать придется, это ведь не в справочную сбегать, узнать.

Вадька торжественно пожал ему руку:

– Спасибо, Севка, я всегда говорил, что ты настоящий друг, а не пороссячий хвостик.

Сева отмахнулся. Мурка с Вадькой вышли на улицу.

– Кто он такой, твой Сева? Что он делает в гостинице? Он действительно сможет разузнать? – надела Мурка на приятеля.

– Если Севка сказал, что сделает, значит, сделает, его слово – железо, – ответил Вадька на последний вопрос.

– Погоди, я не врубаюсь. Откуда он авторитетов знает? Он что, мафия?

– Какая мафия? – Вадька даже обиделся. – Севка мировой пацан! Просто у него здесь свое дело, ну и связи, конечно.

– Я совсем запуталась, – Мурка помотала головой. – Ему лет тринадцать, как у него может быть свое дело?

– Запросто! Видела киоск? Все его. Документы оформлены на одного такого, не то чтобы всегда пьяного, но не слишком трезвого. Севка раньше на чем мог подрабатывал: чемоданы таскал, машины мыл, по поручениям бегал. Теперь ларек открыл, и еще у него спецсервис – курьер по личным делам: букет девице отнести, шоколад... Он обо всех поручениях молчит как рыба, клиенты его ценят.

– Излишне он деловой, твой Сева, – поморщилась Мурка.

– Нормальный! Все подрабатывают, один пацан даже в Книгу рекордов Гиннеса попал, потому что биржу труда для детей организовал. У нас это еще пока сложно, ребят мало на какую работу берут, и бумаг надо кучу оформлять. Я с парнем из Америки чатюсь иногда, так у них в каникулы подзаработать проще простого. Зато у них в нашем возрасте свой бизнес не очень-то откроешь, сразу всякие комиссии налетят. А у нас «подставного взрослого» нашел и вперед! Вон у Севки мать померла, отец третий год в отпуске без сохранения оклада и два брата, он своим бизнесом всю семью кормит.

– Ты не думай, я всякую работу уважаю, – мягко сказала Мурка. – Только, извини, не доверяю я ему. Ничего он делать для нас не станет. Хотя подождем, может, окажется, что я не права.

Глава 7. Медицинские командос

Три дня в расследовании был перерыв. Дожидаясь вестей от Севы, Вадька мрачно слонялся по дому, дважды ходил к Лушиным сараям в надежде найти полицейский пост, но не обнаружил ничего, хотя Мурка выяснила через отца, что за Лушей ведется круглосуточное наблюдение. Впрочем, Вадьке сейчас не очень хотелось разговаривать с Муркой. Всякий раз встречаясь с ним, она вопросительно поднимала брови и в ответ на его отрицательное покачивание головой иронически усмехалась, словно говоря: «Я же тебя предупреждала!» Вадька иногда с досадой думал, что между ней и Кисонькой не так уж мало общего. Сева все не звонил. Вадька даже перестал уже бросаться к телефону при каждом звяканье.

На фоне мучительного безделья второй поход в больницу к Грезе Павловне показался Вадьке праздником. Отчаявшись дождаться лифта, навьюченный гостинцами Вадька потащился вслед за девчонками по лестнице. Еще на пятом этаже они услышали грозный голос авторитетной санитарки Марии Тарасовны.

– Чего вы тут ходите, чего рыщете, покоя от вас нет, – раздавалось окрест. – Ну к кому, к кому ты такой наглый прешься? Чего? Дружок у тебя? Это здесь-то, в нашем крыле, где одни бабы? Вали отсюда, пока цел. Что ты мне суешь, что ты мне свои копейки поганые суешь! Проваливай, бродяга, не то шваброй накостыляю! Дружок у него тут, видали! Порядочные люди в положенные часы приходят и говорят, к кому идут, а такие, как ты, шляются тут, шляются, а потом у пациентов из холодильника колбаса пропадает! Чтоб я тебя больше не видела!

Мимо ребят вихрем пронесся молодой парень.

– Вон какой здоровый, а санитарки боится, – разочарованно протянула Мурка.

– Такой, как Мария Тарасовна, всякий испугается, – буркнул Вадька, тоже втайне побаивающийся громогласной тетки со шваброй.

Пока они добрались до седьмого этажа, в отделении все успокоилось.

– Добрый день, тетя Маша, – дружно сказали Вадька и сестры.

– Здравствуйте, ребятишки, – улыбнулась им Мария Тарасовна. – Грезу Павловну навещать пришли? Молодцы! Она, наверное, в палате, бегите, порадуйте старушку.

Но дверь в палату была заперта, более того, из-за нее сочились злобные мужские голоса. Вдруг раздался женский вскрик, полный ужаса и боли. Мурка и Вадька со страхом переглянулись.

– У Грезы Павловны посетители, – неуверенно предположила Кисонька. – Может, стоит постучать?

Но Вадька перехватил ее поднятую руку и помчался к санитаркам.

– Тетя Маша, там у Грезы Павловны какие-то мужики заперлись! – на бегу кричал он.

– Как мужики заперлись? – всполошилась Мария Тарасовна. – Я никого не пропускала, и запирается у нас не положено, чай, не дома.

– Теть Машь, наверно, пока ты того гоняла, остальные просочились, – предположила Оксана, вторая санитарка.

– Ах, паскудники, это они к молоденькой, которую вчера рядом со старушкой положили, лезут! И бабушки не стесняются! Сейчас я им задам! – Не теряя времени, Мария Тарасовна потрусила к мятежной палате.

Дверь по-прежнему была заперта, но раздававшиеся звуки казались все более зловещими: шум, грохот, сдавленный хрип. Мария Тарасовна принялась колотить в дверь, но на ее стук и крики никто не обращал внимания.

– Оксана, ключи из сестринской, быстро! – скомандовала тетя Маша, но Вадька не стал ждать, пока девушка сбегает. Замок мгновенно сдался напору его верной отмычки, дверь рас-

пахнулась, и тут же мимо них, сбив с ног спешащую Оксану, промчались двое мужчин. Пробежав через коридор, они свернули на лестницу и исчезли...

– Что, что они с тобой сделали? – закричала Мария Тарасовна, бросаясь к забившейся в угол кровати молодой черноволосой женщине. Женщина дрожала от ужаса и судорожно терла руками шею.

– Они... Они ворвались, один сразу запер дверь, а второй ко мне и кричит: «Где она?», схватил за горло и давай трясти. – Действительно, на ее шее медленно проступали синие пятна. – Тогда первый, здоровенный такой, в окно выглянул, гаркнул: «Она внизу!», а тут вы... Господи, что им надо? Я ведь и не знаю ничего! – Она облегченно вздохнула и заплакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.